

«Цветоводство» и «Советская ботаника». Кроме того, он стал автором целого ряда книг и статей по выращиванию цветов и кустарников.¹⁸

В 1958 году Управление озеленения Москвы предложило И. Л. Заливскому представить его лилии на Международной выставке цветоводства 1959 года в Париже. Растения отправились на выставку, но сам их оригинатор был уже серьезно болен. Он пережил Алексея Михайловича Ремизова всего лишь на два года. 15 октября 1959 года Ипполита Леопольдовича не стало.

История жизни ремизовского «чудесного Бебки» — И. Л. Заливского — свидетельствует, что в далеком 1901 году начинающий автор тонким писательским чутьем уловил самую суть души четырехлетнего мальчика, как бы предугадав и назвав главные составляющие его жизни — корабли и цветы.

¹⁸ См.: Заливский И. Л. 1) Лилии / Ред. А. С. Лозина-Лозинская. М.; Л., 1952 (2-е изд.: М., 1959); 2) Георгины / Ред. А. С. Лозина-Лозинская. М.; Л., 1954 (2-е изд.: М.; Л., 1956); 3) Декоративные кустарники / Ред. Г. И. Родионенко. М.; Л., 1956; 4) Приусадебный цветник. М.; Л., 1959.

DOI: 10.31860/0131-6095-2020-4-218-233

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ АМХЕРСТСКОГО АРХИВА МЕРЕЖКОВСКИХ 1. ИЗ НЕИЗДАННОЙ ПЕРЕПИСКИ Н. А. БЕРДЯЕВА И Д. В. ФИЛОСОFOVA 1906–1907 ГОДОВ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© М. М. ПАВЛОВОЙ)*

Публикуемые материалы принадлежат к корпусу переписки З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского и Д. В. Философова периода первой парижской эмиграции (1906–1908).¹ Они извлечены из архива Мережковских, хранящегося в амхерстском Центре русской культуры (США, Массачусетс),² в котором сосредоточены также такие ценные, до настоящего времени не введенные в научный оборот или известные лишь в извлеченных документах парижского периода, как, например, «дневники» Т. Н. Гиппиус (1906–1908),³ примыкающие к этому же массиву письма Н. Н. Гиппиус, А. В. Карташева, В. В. Кузнецова (членов неохристианской общины Мережковских),⁴ единичные ответные письма З. Н. Гиппиус, Д. С. Мережковского, Философова; корреспонденции С. Н. Булгакова, А. С. Глинки-Волжского, В. В. Розанова, В. П. Свенцицкого, П. Б. Струве и др. Материалы содержат сведения о литературно-общественной деятельности и издательских проектах Мережковских, их интимной религиозной жизни и личных взаимоотношениях.

* Работа подготовлена в рамках проекта РФФИ №19-012-00188.

¹ Обстоятельства отъезда Мережковских и Философова из России и пребывания в Париже подробно изложены в работе: *Соболев А. Л. Мережковские в Париже (1906–1908) // Лица: Биографический альманах. М.; СПб., 1992. Вып. 1. С. 319–371.*

² Amherst Center for Russian Culture. Далее — *Amherst*, с указанием названия коллекции и шифра. См.: К истории парижского архива З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковского. Из переписки В. А. Злобина с Б. И. Николаевским и М. С. Цетлиной / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой // *Русская литература*. 2009. № 2. С. 207–223.

³ См.: Истории «новой» христианской любви. Эротический эксперимент Мережковских в свете «Главного»: Из «дневников» Т. Н. Гиппиус 1906–1908 годов / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой // *Эротизм без берегов: Сб. статей и материалов*. М., 2004. С. 391–455.

⁴ См.: Павлова М. М. 1) К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1 // *Русская литература*. 2017. № 3. С. 222–242; 2) К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 2 // Там же. № 4. С. 166–194.

В публикуемой подборке представлены корреспонденции Дмитрия Владимировича Философова (1872–1940) и Николая Александровича Бердяева (1874–1948). В дополнение к письмам помещаются экспликации из «дневников» Татьяны Николаевны Гиппиус (1877–1957), содержащие упоминания и пространные записи о Бердяеве, образующие своеобразный «бердяевский» сюжет.⁵

Письма Бердяева и Философова относятся ко времени напряженной, весьма драматичной для обеих сторон эпистолярной полемике 1906–1908 годов, возникшей в связи с различной интерпретацией идеи «нового религиозного сознания», выдвинутой Мережковским, и попыткой ее воплощения в созданном Мережковскими и Философовым религиозном коллективе.

Начало диалогу положила публикация в «Вопросах жизни» статьи Бердяева «О новом религиозном сознании» (1905. Кн. 9) и ответной статьи Мережковского «О новом религиозном действии. Открытое письмо Н. А. Бердяеву» (1905. Кн. 10–11). Параллельно с обменом мнениями в печати по вопросу о путях обновления христианства⁶ Бердяев и группа Мережковского продолжали прояснять свои позиции в личной переписке.

Существенная часть этой корреспонденции опубликована В. Аллоем.⁷ В публикацию вошли пять писем Бердяева: два из них адресованы З. Гиппиус (от 27 марта и 2 июня 1906), три — Философову (от 26 июля 1906; 22 апреля 1907; 15–18 марта 1908);⁸ фрагменты отдельных писем этого же периода в извлечениях опубликованы М. А. Колеровым в монографии «Не мир, но меч».

Новонайденные письма, таким образом, восполняют отсутствующие лакуны двухсторонней переписки.⁹ Пространное, на 12 страницах, послание Философова (ответ на письмо Бердяева от 26 июля 1906 года¹⁰) вызывает интерес уже потому, что является непосредственным откликом со стороны «тройственного союза» (Мережковского, З. Гиппиус и Философова) на письма Бердяева. Харизматичное и еще более пространное, на 16 страницах, послание Бердяева от 14 апреля 1907 года (ответ на несохранившееся письмо Философова) демонстрирует накал страстей, «градус» несогласий сторон; в следующем письме от 22 апреля¹¹ адресант извинялся за резкий тон высказанных им претензий.

⁵ См.: Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 2. Н. А. Бердяев в «дневниках» Т. Н. Гиппиус (1906–1908) / Вступ. статья, подг. текста и прим. М. М. Павловой (в печати).

⁶ Обзор печатной полемики Бердяева и группы Мережковского 1905–1908 годов не входит в задачу данной публикации; узловые моменты полемики подробно освещены М. А. Колеровым в книге «Не мир, но меч: Русская религиозно-философская печать от „Проблем идеализма“ до „Вех“». 1902–1909» (СПб., 1996; сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 1). Назовем лишь отдельные статьи, актуальные для данного контекста: *Философов Д. В.* 1) На распутье [Рец. на: *Бердяев Н. Sub Specie Aeternitatis: Опыт философии, социальные и литературные* (1900–1906 г.). СПб.: М. В. Пирожков, 1907] // *Товарищ*. 1907. 17 апр. № 244. С. 3; 2) Церковь и революция // *Век*. 1907. 13 мая. № 18; *Бердяев Н.* К вопросу об отношении христианства к обществу // *Век*. 1907. 24 июня. № 24. С. 370–375; *Гиппиус З. Н.* Из дневника журналиста. Декаденты и сознание // *Русская мысль*. 1908. № 2. С. 155–160; *Бердяев Н.* Больная Россия // *Слово*. 1908. 23 февр. (7 марта). № 388. С. 2–3; *Философов Д.* Сиракузы // *Наша газета*. 1908. 16 (29) марта. № 1. С. 2; *Бердяев Н.* Мережковский о революции // *Московский еженедельник*. 1908. № 25. 25 июня. С. 3–19; *Белый А.* Каменная исповедь. По поводу статьи Бердяева «К психологии революции» // *Образование*. 1908. Кн. 8. Отд. III. С. 28–38.

⁷ Письма Николая Бердяева / Публ. В. Аллоя // *Минувшее: Исторический альманах*. Paris, 1990. Вып. 9. С. 294–325.

⁸ В личном фонде Н. А. Бердяева в Российском государственном архиве литературы и искусства содержатся относящиеся к этому же периоду: 16 писем Бердяева к З. Н. Гиппиус (РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 426–427), 4 письма к Д. В. Философову (Там же. Ед. хр. 295), 4 письма к Д. С. Мережковскому (Там же. Ед. хр. 277).

⁹ Письма З. Гиппиус к Бердяеву позднейшего времени (1922–1927) см.: *Гиппиус З. Н.* Письма Н. А. Бердяеву // *Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus* / Comp. by T. Pachmuss. München: Wilhelm Fink Verlag, 1972. P. 181–216; см. также письма 1924–1926 годов: РГАЛИ. Ф. 1496. Оп. 1. Ед. хр. 426–427.

¹⁰ Письма Николая Бердяева. С. 303–304.

¹¹ Там же. С. 305–315.

На склоне лет Бердяев вспоминал: «Мережковские всегда претендовали говорить от некоего „мы“ и хотели вовлечь в это „мы“ людей, которые с ними близко соприкасались. К этому „мы“ принадлежал Д. Философов, одно время почти вошел в него А. Белый. Это „мы“ они называли тайной трех. Так должна была сложиться новая церковь Св<ятого> Духа, в которой раскроется тайна плоти. Мой изначальный и обостренный персонализм, который неверно называют индивидуализмом, должен был привести к столкновению. По характеру своему я совсем не подходил к такого рода „мы“. Но я тоже считал себя выразителем „нового религиозного сознания“ и в каком-то смысле остался им и доныне».¹²

Перед отъездом из России Мережковские рассматривали Бердяева как своего ближайшего соратника в деятельности, направленной на формирование религиозной общности и выработки единой реформаторской платформы. Бердяев был ангажирован ими в антимонархический и антиклерикальный сборник «Царь и революция» (1907),¹³ в котором, согласно первоначальному замыслу, предполагалось соединить под одной обложкой боевые статьи бывших сотрудников «Вопросов жизни» (1905) и близких им по духу авторов (Андрея Белого, А. Бенуа, В. Брюсова, С. Н. Булгакова, А. С. Глинку-Волжского, Вяч. Иванова, А. В. Карташева, Н. Минского, В. В. Розанова, В. П. Свенцицкого, С. Соловьева, В. В. Успенского, П. А. Флоренского, Л. Шестова).¹⁴

Мережковские возлагали на Бердяева особые надежды,¹⁵ желая видеть его со-молитвенником в церкви их толка — Святой Троицы или Иоанновой (прообраз чаемой Вселенской Церкви), которую они противопоставляли «исторической» («Петровой»). Однако, вопреки ожиданиям тройственного союза, Бердяев занял по отношению к их религиозному коллективу пограничную, крайне настороженную позицию (в отличие, например, от Андрея Белого¹⁶), определив духовную практику Мережковских как ересь, «демонический эзотеризм, допустимый лишь в подозрительных сектах», подобие масонской ложи.¹⁷

Из письма в письмо в Париж он формулировал свои contra: «Боюсь, что у Вас есть тенденция образовать секту, маленькую интимную религию, очень интересную, глубокую, завлекательную, но не вселенскую. <...> Я люблю Вас, как предтечу, нуждаюсь в Вас, бесконечно обязан Вам, но не могу поверить, что в Вас и только в Вас осуществилась истинная теократия. <...> Ощущаю глубокую мистическую связь с Вами <...> и общность путей, но не ощущаю еще нашей церкви и боюсь тут ложного, сек-

¹² Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии) / Сост., предисловие, подг. текстов и комм. А. В. Вадимова. М., 1991. С. 143.

¹³ Впервые: *Merejkovsky D., Hippus Z., Filosofov D. Le Tsar et la Révolution*. Paris: Société du Mercure de France, 1907; немецкое издание — *Der Zar und die Revolution* (München; Leipzig, 1908).

¹⁴ Предназначавшаяся для сборника статья Бердяева «Мистика и религия» не была востребована составителями, как и статьи других приглашенных авторов; замысел издания второй части сборника «Анархия и теократия» не был реализован. Бердяев напечатал статью в виде введения к своей книге «Новое религиозное сознание и общественность» (СПб.: М. В. Пирожков, 1907. С. IX–L). О замысле и истории издания сборника см. в статье А. Л. Соболева «Мережковские в Париже (1906–1908)», а также во вступительной статье в книге: *Мережковский Д., Гиппиус З., Философов Д. Царь и революция* / Под ред. М. А. Колерова; вступ. статья М. М. Павловой; пер. с фр. О. В. Эдельман; подг. текста Н. В. Сомов. М., 1999. С. 14–17 (сер. «Исследования по истории русской мысли»; т. 4).

¹⁵ В контексте истории взаимоотношений сторон следует заметить, что Философов сдержанно относился к идее сближения с Бердяевым. В апреле 1905 года он писал З. Гиппиус: «Это целое-целое громадного религиозного сознания, понимания, при полном отсутствии религиозного переживания. <...> Отчасти он в тебя влюблен, отчасти он в тебе любит сродство умов, но именно-то он и не понимает, что ему нужно два (ты) для трех», и т. д. (*Пахмусс Т. А. Страницы из прошлого: Переписка З. Н. Гиппиус, Д. В. Философова и близких к ним в «Главном» // Памятники культуры. Новые открытия: Письменность. Искусство. Археология. Ежегодник 1997. М., 1998. С. 78*).

¹⁶ Лит. наследство. 2016. Т. 105. Андрей Белый. Автобиографические своды: Материалы к биографии. Ракурс к дневнику. Регистрационные записи. Дневники 1930-х годов / Сост. А. В. Лавров и Дж. Малмстад. С. 113–114.

¹⁷ Письма Николая Бердяева. С. 301.

тантского, аскетического, не вселенского пути» (письмо к З. Гиппиус от 27 марта 1906 года); «Что Вы даете современному человеку, что вы советуете делать обращающемуся к Вам ученику <...> вы очень много говорите о том, что близки к тайне и таинству, намекаете постоянно на что-то, известное только вам, но никаких реальных путей сообщения с людьми, даже наиболее близкими, не устанавливаете» (письмо Д. Философову от 22 апреля 1907 года); «Моему религиозному чувству и моему религиозному сознанию чужда и непонятна ваша идея церковности и ваш путь к ней представляется мне ошибочным, сектантским, слишком человеческим»¹⁸ (письмо Д. Философову от 15–18 марта 1908 года), и т. п.

Суть вопросов и претензий Мережковских к Бердяеву отчасти просматривается из его писем, содержащих критику их религиозной практики и доктрины. Кроме того, в нашем распоряжении имеется еще один дополнительный источник, позволяющий взглянуть на взаимоотношения сторон в период 1906–1908 годов с нового ракурса (условно его можно назвать «эмоциональным»): это — «дневники» Т. Гиппиус (они же: письма-дневники, письма-отчеты).¹⁹

Перед отъездом из России Мережковские пытались «прикомандировать» Бердяева к младшему «гнезду» неохристианской коммуны. Внешним основанием для такого соединения было тесное знакомство со времени вологодской ссылки²⁰ с Ремизовыми (Серафима Павловна входила в «гнездо») и общее с Карташевым поле публицистики на темы религиозной общественности. В отношениях же с Татьяной и Натальей Гиппиус и Василием Кузнецовым,²¹ в то время обучавшимися в Высшем художественном училище при Академии художеств, никаких взаимных притяжений не возникало. Все трое были далеки от проблем религиозной общественности, хотя, как следует из «дневников», читали и обсуждали статьи Бердяева в «Полярной звезде», «Московском еженедельнике», «Русской мысли», «Вопросах философии и психологии», «Веке», слушали его доклады, участвовали в заседаниях петербургского Религиозно-философского общества, учрежденного в 1907 году по его инициативе при участии Карташева.

Очень скоро выяснилось, что пестуемый Мережковскими неохристианский союз оказался искусственным и нежизнеспособным. В письме к З. Гиппиус от 27 марта 1906 года Бердяев признавался: «Ощущаю глубокую мистическую связь с Вами <...>. А вот с Карташевым, с Серафимой Павловной, с Вашими сестрами такой связи не ощущаю, хотя хорошо к ним отношусь. Все в личности и через личность!»²²

В свою очередь, Т. Гиппиус писала сестре: «...хочу подчеркнуть, чтобы вы видели — что моя жизнь с вашей несоединима. Общество, Бердяев, Вильбуа,²³ статьи,

¹⁸ Там же. С. 307, 314.

¹⁹ Amherst. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 16–40.

²⁰ О годах вологодской ссылки (1900–1903) см.: Бердяев Н. А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). С. 127–130 (Бердяев покинул Вологду в 1902 году, последний год ссылки ему было дозволено отбывать в Житомире); в книге Ремизова «Иверень», главы «Розовые лягушки» и «Северные Афины»: Ремизов А. М. Собр. соч. М., 2000. Т. 8. Подстриженными глазами. Иверень. С. 433–457, 473–505. См. также статью на материалах архива Вологодского жандармского управления: Соболев А. Л. Северная ссылка Ремизова: уточнение нюансов // Соболев А. Л. Летейская библиотека: В 2 т. М., 2013. Т. 2. Страннолюбский перебарщивает: Сконапель Истоар. С. 176–212.

²¹ Гиппиус Наталья Николаевна (1880–1963) — младшая из сестер Гиппиус, в 1903–1912 годах обучалась на скульптурном отделении Высшего художественного училища при Академии художеств в мастерской В. А. Беклемишева. См. о ней: Логдачева Н. В. Скульптурные работы Натальи Гиппиус и Анны Курдюковой (к изучению творческих биографий начала XX века) // Страницы истории отечественного искусства. СПб., 2016. Вып. XXVII. С. 172–178. Кузнецов Василий Васильевич (1881–1923) — скульптор, в 1901–1905 годах обучался в Высшей художественной школе при Императорской Академии художеств. См. о нем: Карпова Е. В. Петербургский скульптор В. В. Кузнецов // Невский архив: Историко-краеведческий сборник. СПб., 2006. Вып. VII. С. 547–567. См. также: Павлова М. М. К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1.

²² Письма Николая Бердяева. С. 298.

²³ Вильбуа Жозеф (Joseph Wilbois; 1874–1952) — французский неокатолик, педагог; автор труда о русской церкви «L'Avenir de l'Eglise» (Paris, 1907); приезжал в Россию. Мережковские были с ним знакомы. В рецензии на книгу Вильбуа Философов писал: «Автор ее неокатолик. Он

общественность — это для вас естественно, для меня нет. Объективно признаю, для вас — правду в этом. Но это одна из правд многообразных, это не всеобщее, из одной общей правды, но не мое. <...> Никакой общественности мне не надо. Все это фальшь» (16 ноября 1907 года).²⁴

Между тем «Бердяевский вопрос»²⁵ в «дневниках» Т. Гиппиус занимает заметное место, Бердяев — один из постоянных персонажей ее сообщений в Париж (наряду с А. А. и Л. Д. Блоками, Андреем Белым, Е. П. Ивановым, Карташевым, Ремизовыми). Для Мережковских эти письма-отчеты были важным неофициальным источником сведений о единомышленниках и оппонентах — своего рода зеркалом настроений литературно-художественной элиты, ближайшего окружения («Вот в дневниках я что: зеркало, что близко, — отражается. (Иногда муха, а не слон)»).²⁶

Из текста «дневников» явствует, что в ответных корреспонденциях из Парижа²⁷ З. Гиппиус информировала сестру о «драматургии» отношений с Бердяевым, вводила в суть разногласий.

«Бердяевский» пласт в «дневниках» объемён, но весьма специфичен, отчасти вследствие несопоставимого интеллектуального веса и разнонаправленных интересов субъекта и объекта, отчасти из-за отсутствия у автора даже минимальных литературных навыков и задач. Развернутых зарисовок и психологических характеристик здесь немного, как правило, записи сводятся к механическому упоминанию о Бердяеве в тех или иных ситуациях, что, тем не менее, не лишено интереса и значения в контексте основного содержания документа (жизнь неохристианской коммуны) и истории взаимоотношений сторон.

После отъезда Мережковских во Францию Бердяев продолжал бывать в доме Мурузи, где обосновалось младшее «гнездо» общины. Т. Гиппиус старательно фиксировала встречи и разговоры с ним, в том числе происходившие на «средах» Вяч. Иванова, у Ремизовых, на вечерах у Н. И. Манасеиной (издательницы журнала «Тропинка»), на лекциях, в театре, в заседаниях Религиозно-философского общества и т. п. Она сообщала Мережковским о настроениях и рабочих планах Бердяева, которыми тот делился с Карташевым, давала оценки его поведению.

Уже в самой первой записи, датированной 25 февраля (9 марта н. ст.) 1906 года — днем отъезда Мережковских и Философова из России, она сделала акцент на обособленности Бердяева в их коллективе. «Вчера стояли, пока красный огонек не скрылся. Потом пошли. Впереди Ната с Кузнецовым, потом я, вблизи С<ерафима> П<авловна>. Дальше Боря с Карташовым <так!>, а Бердяев один посередине. Я ему говорю: „Отчего же Вы отстали?“ — „Нет, я — ничего“, — говорит. Потом стали думать, как ехать <...>. Бердяев говорит: „Не подвести ли кого-нибудь?“ — „Нет, спасибо, мы ведь все вместе — к Палкину“.²⁸ — „Ну, да, так вот к Палкину — подвести...“ — „Спасибо, нас как раз поровну“; (*Хотелось* сказать — ничего, что поровну, — поедемте вместе). Поняла, что не должно из нас²⁹ выйти. Пошел к дверям — быстро (простился крепко, точно надолго), — с большой головой, на тонких ногах. И стал извозчика нанимать, а мы все вышли и его провожаем. Жалко до выверта».³⁰

мечтает о соединении церквей, о реформе католичества и православия. По своим тенденциям он и его единомышленники напоминают кружок церковного обновления» (*Философов Д.* Три книги о России // Товарищ. 1907. 2/15 сент. № 361. С. 3).

²⁴ *Amherst. Merezkovsky's Papers. Box 4. Folder 32.*

²⁵ *Ibid. Box 2. Folder 32.*

²⁶ Письмо Т. Гиппиус Д. В. Философову от 17 ноября 1907 года: *Ibid. Box 6. Folder 17.*

²⁷ Письма З. Гиппиус к Т. Гиппиус за 1906–1908 годы не сохранились, за исключением двух (от 5 июля и 30 декабря 1906 года). См.: *Гиппиус З. Н.* Два письма к Т. Н. Гиппиус (1906) / Вступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой // *Русский модернизм и его наследие: Коллективная монография в честь 70-летия Н. А. Богомолова* / Под ред. А. Ю. Сергеевой-Клятыш, М. Ю. Эдельштейна. М., 2020.

²⁸ Ресторан на углу Невского (д. 47) и Владимирской улицы, принадлежавший Константи-ну Павловичу Палкину (в советское время в здании располагался кинотеатр «Титан»).

²⁹ Слова, обведенные автором, выделены курсивом и подчеркиванием.

³⁰ *Павлова М. М.* К истории неохристианской коммуны Мережковских (на материале «дневников» Т. Н. Гиппиус). Статья 1. С. 234.

Как глава младшего «гнезда», Т. Гиппиус чувствовала себя ответственной за каждого из членов коммуны, действительных и потенциальных. В тот же день (25 февраля) она писала сестре: «Бердяев меня как-то все мучит. Не могу о нем забыть. <...> Перед Бердяевым, перед Л<юбовью> Дм<итриевной>, перед Борей, Карташ<евым>, С<ерафимой> Пав<ловной> — мне хотелось, чтобы ты говорила: „мы тебе передаем всю ответственность“». ³¹

Весной 1906 года художница работала над портретом жены Бердяева Лидии Юдифовны ³² (местонахождение портрета неизвестно), ³³ в связи с чем ей приходилось часто бывать в их доме. Они жили в Литейной части поблизости от дома Мурузи — в Саперном переулке, д. 10, в помещении при бывшей редакции «Вопросов жизни». После каждого своего визита Т. Гиппиус делала короткие заметки в «дневниках», например, 5 марта: «Была у Бердяева. Очень недолго, только хотела посмотреть, какой он. Л<идия> Юд<ифовна> меня взяла к себе. Я вынюхивала», ³⁴ и т. д.

При этом она крайне субъективно, с присущей ей повышенной эмоциональностью, интерпретировала слова и поступки Бердяева, вольно и невольно создавая демонизированный образ — «врага», имитатора, похитителя религиозных идей Мережковских: «Бердяева я боюсь. Потому что он так все понимает (конечно, общее — и, думаю, уже недвижимое, оттого и страшное), но умом» (14 ноября 1906 года); «...не имеешь права сказать что-нибудь людям, пока ничего сам не приобрел. А то говори, болтай по-Бердяевски» (26 декабря 1906 года); «Без страдания он и останется граммофоном, радостно мотивчики наигрывать» (16 января 1907 года); «Бердяев очень иной раз страшный бывает, граммофон» (19 января 1907 года); «Нечего с Бердяевым сравнивать. Он ваше развивает, как бы свое» (3 декабря 1907 года); «Бердяевщина делается популярною, всасывается во всех» (14 марта 1908 года), ³⁵ и т. п.

Недоброжелательные, по большей части импульсивные характеристики (нередко со слов С. П. Ремизовой, не благоволившей к чете Бердяевых, о чем она сама не раз писала З. Гиппиус) ³⁶ обсуждались Мережковскими и Философовым и рикошетом откликались в их переписке с Бердяевым. Так, например, исповедальный пассаж на тему страдания и сострадания в письмах Бердяева к Философову от 14 апреля 1907 года (см. п. 2) и следующего, от 22 апреля, ³⁷ можно объяснить предъявленным ему упреком, который, по-видимому, был инициирован письмами Т. Гиппиус, осуждавшей Бердяева за автоматизм, нечувствие к боли и человеческому страданию, к Христу (см. дополнение). Зачастую она выступала в роли «камертона», в унисон с С. П. Ремизовой, настраивая Мережковских и Философова против их оппонента («Я одна за книгу» ³⁸ и за слова его так ненавижу. Пусть он совсем от нас уйдет, и вы его отринете — я его так же и вечно буду ненавидеть...», — 16 марта 1908 года).

Письма-отчеты Т. Гиппиус, пронизанные чувством исходящей от Бердяева опасности и недоверия к нему, по-своему могли быть использованы Мережковскими

³¹ Там же. С. 235.

³² Бердяева Лидия Юдифовна (урожд. Трушева, в первом браке Рапп; 1874–1945) — переводчица, поэтесса, жена Н. А. Бердяева.

³³ О ее работах см.: Павлова М. М. Материалы к творческой биографии Т. Н. Гиппиус (по «дневникам» художницы 1906–1908 гг.). Статья 1 // Литературный факт. 2019. № 14. С. 109–144.

³⁴ *Amherst. Merezkovsky's Papers*. Box 2. Folder 20. Подробнее см.: Новые материалы из амхерстского архива Мережковских. 2. Н. А. Бердяев в «дневниках» Т. Н. Гиппиус (1906–1908) / Вступ. статья, подг. текста и комм. М. М. Павловой (в печати).

³⁵ *Amherst. Merezkovsky's Papers*. Box 2. Folder 20.

³⁶ Этот факт нам известен из «дневников» Т. Гиппиус. Письма С. П. Ремизовой к З. Гиппиус этого периода не сохранились или до настоящего времени не выявлены, за исключением письма, датированного около 29 марта 1906 года, в котором Бердяев не упоминается (см.: Обатнина Е. Подруги: Один эпизод из истории отношений З. Н. Гиппиус и С. П. Ремизовой-Довгелло // От модернизма к постмодернизму. Русская литература XX–XXI веков. Сборник статей в честь проф. Халины Вашкелевич. Краков, 2014. С. 258). Переписка периода эмиграции опубликована: *Lample H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello* // *Wiener Slawistischer Almanach*. 1978. Bd 1. S. 164–194.

³⁷ Письма Николая Бердяева. С. 305–315.

³⁸ Имеется в виду книга Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность».

и Философовым в эпистолярных дебатах, но, несомненно, не могли серьезно влиять на их литературно-общественные связи с Бердяевым, которые изначально строились на идейной основе.

Разрыв взаимоотношений, произошедший в марте 1908 года, во время пребывания Бердяева в Париже,³⁹ незадолго до возвращения Мережковских и Философова в Россию, был неизбежен: Бердяев развернулся к Православной церкви и необратимо правел (в направлении будущих «Вех»), Мережковские окончательно полевели (в сторону революционного максимализма — эсеров-боевиков и Б. Савинкова).⁴⁰ Идейное размежевание сторон, по мнению М. А. Колерова, стало «одним из главных событий в религиозно-общественной среде конца 1907 — начала 1908 гг.».⁴¹

Публикуемые материалы представляют интерес не только в контексте истории неофициальных взаимоотношений Бердяева с группой Мережковского, но также в плане его творческой биографии. Они могут служить иллюстрацией и реальным комментарием к отдельным страницам книги «Самопознание (Опыт философской автобиографии)» (1939–1940), прежде всего, к главе шестой с воспоминаниями о Мережковских,⁴² или, например, к психологическому автопортрету философа: «Я всегда обманывал все ожидания. Также обманывал и ожидания всех идейных направлений, которые рассчитывали, что я буду их человеком. Я всегда был ничьим человеком, был лишь своим собственным человеком, человеком своей идеи, своего призвания, своего искания истины. <...> Я никогда не чувствовал себя чему-либо и кому-либо в мире принадлежащим. Я во всем участвовал как бы издали, как посторонний, ни с чем не сливался».⁴³

Размышления Бердяева об аскетизме, «поле», тоске, страдании, философской истине, вере, божественном чуде и др., которые шлифовались в публицистических книгах и философских трудах на протяжении всей творческой жизни, с полной отчетливостью прозвучали уже в 1906–1908 годах в переписке с Мережковскими и Философовым.

Письма Д. В. Философова и Н. А. Бердяева и фрагменты «дневников» Т. Н. Гиппиус печатаются по автографам: Amherst Center for Russian Culture. Merezhkovsky's Papers. Box 6. Folder 49; Box 4. Folder 1; Box 2. Folder 17–35. Орфография и пунктуация приведены к современной норме, за исключением особенностей авторского словоупотребления и отдельных случаев, характерных для грамматической нормы эпохи.⁴⁴ Авторское написание в «дневниках» Т. Гиппиус фамилии А. В. Карташева (*Карташов*) и С. А. Соллертинского (*Солляртинский*) сохраняется.

Приношу глубокую благодарность профессору Стэнли Рабиновичу, профессору Майклу Кунитику и сотрудникам Центра русской культуры Амхерста за предоставленные материалы и содействие в работе.

³⁹ См.: Письмо Бердяева к Философову от 15–18 марта 1908 года из Парижа, в котором он сообщает о разрыве отношений: Письма Николая Бердяева. С. 317–324; *Гиппиус З.* Собр. соч.: В 15 т. М., 2019. Т. 16 (дополнительный). Он и мы: Дмитрий Мережковский. Его жизнь и работа / Предисловие, подг. текста и комм. Р. А. Городницкого и А. И. Серкова. С. 181 (впервые: *Гиппиус-Мережковская З.* Дмитрий Мережковский. Париж: YMCA-Press, 1951. С. 183); *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). С. 157–158.

⁴⁰ Подробнее см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. 1902–1909. С. 281–295; Взыскующие града / Сост., подг. текста, вступ. статья и комм. В. И. Кейдана. М., 1997. С. 5–22; «Революционное христовство»: Письма Мережковских к Борису Савинкову / Вступ. статья, сост., подг. текстов и комм. Е. И. Гончаровой. СПб., 2009.

⁴¹ *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 281.

⁴² *Бердяев Н. А.* Самопознание (Опыт философской автобиографии). С. 140–147.

⁴³ Там же. С. 47.

⁴⁴ В ряде случаев возможны неточное и гипотетическое прочтение отдельных слов в письме Бердяева. Это обусловлено своеобразием почерка автора. Аналогичные затруднения испытывали и его корреспонденты, например, 1 июля 1926 года З. Гиппиус писала ему из Канн: «Побочная просьба: нельзя ли иногда воспроизводить полные слова, которые вы думаете, когда пишете ваше письмо? Я сама удивляюсь, как я вас читаю; очевидно, читаю в вашем сердце, ибо на бумаге ничего этого фактически нет (особенно, когда чернила расплываются)» (*Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. P. 157).

1

Д. В. Философов — Н. А. Бердяеву

3.16.VIII.06

Beg=Meil. «Hôtel de la Plage»

par Fouesnant (Finistère)

Дорогой Николай Александрович.

Да, порою очень грустно и тяжело, это отсутствие общения с людьми душевно близкими. Было нечто очень важное, связывающее, и кто знает, выдержит ли эта скрепа напор времени?

Всякая долгая разлука всегда страшна. И знаете, странный факт. Людям духовно близким очень трудно писать. Я довольно легко пишу людям просто близким, житейски, родственно, и т. п. Но, напр<имер>, Вам писать мне не легко. Слишком сложно, и значительно — по крайней мере для меня — то, что хотелось бы Вам сказать. И как-то умолкаешь. Просто не преодолеть препятствий.

Тата пишет З<инаиде> Н<иколаев> не каждый день и затем отсылает весь накопившийся за неделю дневник сразу.¹ Получается письмо страниц в 70–80. Это уже какая-то психопатия, но здесь есть что-то прекрасное. Громадное усилие воли, во что бы то ни стало победить время и пространство. Зато Дм<итрий> Серг<еевич> и говорит, что она ничего не делает. В будни письма пишет, а в праздники с Карташевым разговаривает. _____ Выехали мы из Парижа сюда в Бретань не очень удачно. Это было как раз в Воскресенье после роспуска Думы.² Поезд отходил в 4 часа. Вышли вечерние газеты, мы их купили тут же на вокзале, и ахнули.

В этот же день утром я был у Макс<има> Ковалевского,³ который был в Париже проездом в Лондон. Я ему высказывал свои опасения, но он так меня убедил, что Думу не *посмеют* разогнать, что я успокоился.

Разгон произвел на всех нас большое впечатление, и почти неделю мы не могли освоиться, успокоиться.

«Что делать», «Что делать *нам*», вот вопрос, который мучительно лезет в голову. И тут мы часто вспоминали Вас, думали, что, вероятно, и Вы этим мучаетесь. Тоже, вероятно, и Булгаков,⁴ Волжский.⁵ И Мы почувствовали какую-то связь с Вами, особенно с Вами.

Главное, что нам стало ясно, это то, что каждый день мы должны быть готовы возвращаться. События идут скорее нас. Мы мучительно копаемся в психологии, метафизике, неизмеримо страдаем и мучаемся над целым рядом (крайне для нас важных, но) мелочей, наконец, главная цель нашего общения — все так же далеко, а в «общественности» одно событие валится за другим. Надо и нам торопиться. Строже к себе быть. Это как-то почувствовалось, по крайней мере, мною, очень осязательно.

Выехав из Парижа, мы направились по рекомендации доктора З<инаиды> Н<иколаев>ны,⁶ в маленькое местечко Le Pouldu.⁷ Но приехав туда, мы ужаснулись пустынности природы и количеству наполняющих отель людей. Пища оказалась прескверная, и мы позорно бежали. После этого долго скитались, пока, наконец, не обосновались здесь. У нас маленький домик, в три этажа. Внизу столовая, в 1 эт<аже> я и Дм<итрий> Серг<еевич>. Наверху в мансардах Зин<аида> Ник<олаевна>. Еду приносят из рядом находящ<егося> отеля. Плохую. Отчего невероятные страдания. У Дм<итрия> Серг<еевича> печень разболелась, у З<инаиды> Н<иколаевны> желудок. И вот каждый день крики «плоти», ругань с «patronne»,⁸ и тут же отчаяние, что «плоть» сильна, что нам нужна «пища» первый сорт, не то что Эрну и Свенцицкому⁹ и т. д.

Проживем мы здесь еще две недели, т. е. до 19 Авг<уста> ст. ст. (1 сент<ября> н. ст.). А затем в Париж. Что будет в Париже и как мы там будем жить — не знаем. Дело в том, что я остался буквально без копейки. «Страна», закрывшись,¹⁰ объявила мне, что считает условие нарушенным. «Равенство» обещало только гонорар, но после трех номеров погибло. «Наша Жизнь» провалилась также.¹¹ Конечно, если б я вернулся

в Россию, я сразу, так или иначе, нашел бы заработок. Но тут положение отчаянное. Единственно, откуда я могу что-ниб<удь> получить, это из «Золотого Руна», куда я и написал только что статью о «мистическом анархизме».¹² Дома же дела так плохи, что на помощь и рассчитывать не могу. С другой стороны, пресловутый «Пирожков» потерял в наших глазах кредит, и Дм<итрий> Серг<еевич> совсем потерял надежду, что он сделает свой взнос 1 сент<ября>.

Тогда придется сдавать нашу милую квартиру¹³ и поселиться где-нибудь в *chambres utesuebles*.¹⁴

Возвращаться же в Россию нам пока *без крайности* не хочется,

1) потому что мы не готовы для *нашего* дела.

2) Потому что нам делать *теперь* нечего, даже если б и были готовы.

3) Конкретно надо издать сборник.¹⁵ Уже все подготовлено, и нет сил бросить это начатое дело. Кроме того, теперь, с возвращением цензурного гнета,¹⁶ возрождением самодержавия, он приобретает новый смысл. Дорогой Николай Александрович! Немедленно посылайте Вашу статью!¹⁷ ведь надо все переводить! Она уже включена в сборник. И конечно подойдет.

Вы спрашиваете, какое впечатление на нас произвел Париж. Разное на всех. *Общее* — в том впечатлении какого-то духовного и душевного оскудения, утомления, которым страдают все французы. Ни литературы, ни искусства, ни театра, ни музыки, ни философии. Т<о> е<сть>, конечно, все есть, но все или старое, доживающее свой век, или под-старое.

Надеялись было на анархистов, *но их нет*. Потому что анархический индивидуализм ушел в тусклое декадентство, а политический анархизм превратился в синдикализм, т. е. в помесь жида с лягушкой. Коммунизм, при ненависти не столько к государству, как к с. д. партии. Я много занимался синдикализмом,¹⁸ накопил попутно кучу материалу, и думаю написать простую (не свою) статью для какого-нибудь толстого журнала (гонорар!). Для сборника — у меня будет статья анархизм и социализм.¹⁹ Я до такой степени бездарен, что мне крайне тяжело писать для сборника. И вообще все более и более убеждаюсь, что «писание» не есть мое дело. Когда вернемся в Россию, я буду искать другого заработка. Опять Публ<ичная> Библиотека²⁰ или что-ниб<удь> в этом роде. Я отнюдь не писатель и не литератор. Декадент я не по *сознанию*, а по существу («наследственность», «среда», «происхождение» etc.). Потому сознанием мне ужасно трудно это декадентство в себе победить. У меня есть очень тонкая болезненная чуткость, я *люблю* людей, просто, бессознательно. Иногда это имеет вид, как будто я ноль, и подлаживаюсь. Это неверно. Я умею ненавидеть и бороться. Но я всегда всем (а особенно себе) даю *в кредит*, легко и охотно. Не верю в «злонравие». Здесь противоположность с Дм<итрием> Серг<еевичем>. У него все находится в заблуждении *по злонравию*. Отсюда его «черносотенство», т. е. тенденция реставрационная. Все хорошее *было*, впереди лишь *развязка*, апокалипсический «жест железный».

Герцен говорил, что «христианство обмелело»,²¹ Дм<итрий> Серг<еевич> говорит, что «история обмелела».²² Два сапога пара. И должен сказать, что моя любовь к людям, при мягкотелости и неинтенсивности моей личности, при моей недаровитости, часто увлекает меня в соблазн. Я это сознаю. Но с другой стороны, мне доставляет великую отраду то, что я не чужд людям. Что я как-то скоро оказываюсь многим нужным, и что меня не боятся. В религиозном смысле я очень слаб, но, с другой стороны, во мне есть страшное религиозное целомудрие, которым я очень дорожу. Не думайте, что я себя оправдываю, я только выявляю психологические антиномии, в которых я пребываю. Скорее я к себе страшно беспощаден и оправдываю не столько себя, сколько других. Все *замечая*, знаю по опыту, как трудно быть жестоким, как тяжело *двигаться*, я всех жалею и всех считаю «злонравными» лишь по неведению.

Вас — нам страшно недостает. Вы нам нужны самым реальным образом. И вот опять антиномия.

Рассуждая прямолинейно, Вы должны были бы от всего освободиться и жить с нами. Я это говорю внутренним голосом.

Вам это трудно. Конкретно, скажем, что Вам теперь невозможно приехать в Париж.

Тогда, если Вы нам действительно нужны, и мы вас действительно любим, *мы* должны ради вас вернуться в Россию. Однако мы этого тоже не можем.

Мы ли, Вы ли в этом виноваты, или жизнь *праведно* не любит прямолинейности — не знаю. Но болезненно ощущаю эту антиномию.

Не общаясь с вами, отделенный от вас и *по своей вине*, единственно чем я могу выказать к вам свою любовь, это в вас *верить*, т. е. верить, что наши отношения не случайны. Иногда в молитве я близко-близко вас ощущаю и огорчаюсь своим бессилием любить Вас *действительно*.

Лидия Юдифовна²³ — для меня больной вопрос. Я, если Вы заметили, всегда к ней ласков и нежен, и меня страшно мучает то, что Вы считаете эту нежность «светской», и особенно *она*. Дм<итрий> Серг<еевич> и Зин<аида> Ник<олаевна> упрекают меня в лицемерии. Все это глубоко неверно. Да, я ее люблю *через* Вас. Но я с ней нежен вовсе не потому, что я боюсь Вас огорчить, а потому что раз Вы ее любите, я *не могу* ее не любить. И мне ужасно хочется, чтоб Вы мне *поверили*. В ваш контур входит для меня и Лид<ия> Юдиф<овна>, как нечто для меня *существующее*, и я ее люблю; через нее я Вас больше ощущаю, как же мне ее не любить? И хотя я сознанием ясно ощущаю, что здесь метафизика вашей трагедии, но поскольку я люблю жизнь, людей, в моем сердце величайшее оправдание и ей, и Вам. То, что я говорю, — очень важно и серьезно. Постарайтесь понять, несмотря на всю декадентскую паутину и беспомощность моего языка...

Мы живем до утомительности просто. До 4х часов работаем, потом гуляем. Возвращаемся к обеду. Приносят газеты. Начинаются бесконечные споры.

Вечером читаем или опять гуляем. Спать ложимся рано. Иногда очень тяжело, но сознание, что все-таки мы «счастливее» всех, кого знаем, что у нас есть верное убежище, нас ободряет.

Христос с Вами, дорогой, любимый. Лидию Юдифовну нежно обнимаю.

Р. S. Пришлите открытку, что получили это письмо. А то, по-видимому, большое письмо З<инаиды> Н<иколаевны>, посланное из Парижа в Люботин, до Вас не дошло.²⁴

2-е Р. S.

Насчет России, и возвращения туда, у меня острое ощущение, что даже *безделие*, но в России, есть дело. Если мы хотели когда-нибудь *действовать*, то нужно иметь связь со средой. Теперь с этой средой происходит нечто невообразимое, и происходит не в поле нашего зрения. Вот у меня и боязнь, а что как мы вернемся, мы окончательно не будем понимать этой «среды». Так бывает и с отдельными людьми. Если не быть около человека в период совершающихся с ним потрясений, то можно потерять всякую связь с ним. Потом, при встрече, он скажет, а где ты был, когда я умирал? и что ответить?

¹ Речь идет о «дневниках» Т. Н. Гиппиус: *Amherst. Merezhkovsky's Papers. Box 2. Folder 16–40.*

² Государственная дума первого созыва просуществовала 72 дня: открылась 27 апреля (9 мая) 1906 года и была распущена Высочайшим указом 9 (22) июля 1906 года. 9 июля в газетах был напечатан указ о роспуске думы и объявление Петербурга на положении чрезвычайной охраны; одновременно было объявлено о назначении П. Столыпина председателем Совета министров. См. сообщение газеты «Страна»: «6 июля состоялось заседание Совета министров, которое затянулось до 5 час. утра. Обсуждался вопрос о современном положении и настроении Государственной думы. Сделано предложение о немедленном роспуске Думы. Инициаторами этого предложения были: Горемыкин, Столыпин, Щегловитов и Стишинский. Предложение было принято единогласно» (Страна. 9 (22) июля. № 120. С. 4; разд. «Хроника»).

³ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) — ученый, историк, юрист, этнограф, социолог; один из основателей парижской Высшей школы общественных наук (1901–1905); профессор Московского и Санкт-Петербургского университетов; депутат Государственной думы первого созыва и член Государственного совета; общественный деятель, один из лидеров русского масонства, см. о нем: *Старцев В. И. М. М. Ковалевский — масон* // Старцев В. И. Тайны русских масонов. 3-е изд., доп. СПб., 2004. С. 206–215. С февраля 1906 по январь 1907 года — редактор (совместно с И. И. Иванюковым) и ведущий публицист газеты «Страна».

⁴ Булгаков Сергей Николаевич (1871–1944) — философ, богослов, публицист; один из редакторов журнала «Вопросы жизни» (1905), с 1906 года приват-доцент кафедры политической экономики и статистики юридического факультета Московского университета. Сохранились три письма Булгакова к Философову (1906 года и недатированное): *Amherst. Merezhkovsky's Papers*. Box 6. Folder 6.

⁵ Глинка Александр Сергеевич (1878–1940; псевд. Волжский) — публицист, литературный критик, историк литературы; сотрудник журнала «Вопросы жизни». Сохранились три письма Глинка-Волжского 1906 года: к З. Н. Гиппиус (Ibid. Box 2. Folder 47), Д. С. Мережковскому (Ibid. Box 4. Folder 25), Д. В. Философову (Ibid. Box 6. Folder 18).

⁶ Возможно, имеется в виду семейный доктор Мережковских Николай Федорович Чигаев (1859–1917). О французском докторе, рекомендовавшем поездку в Ле Пульдю, З. Гиппиус упоминает в письме к сестре Татьяне от 5 июля 1906 года, не называя его (знакомство состоялось через И. Е. Мечникова). См.: *Amherst. Halperine-Kaminsky and his Contemporaries Collection*. Box 1. Folder 98.

⁷ Ле Пульдю (фр.) — морской курорт в Бретани между Лорианом (Lorient) и Конкарно (Concarneau), известный тем, что летом 1889 года здесь работал Поль Гоген (картина «Пейзаж» с изображением Ле Пульдю экспонируется в Национальной галерее Лондона).

⁸ хозяйка (фр.)

⁹ Эрн Владимир Федорович (1882–1917) — религиозный мыслитель, историк философии, публицист, совместно с В. П. Свенцицким возглавлял «Христианское братство борьбы» (далее: ХББ). Свенцицкий Валентин Павлович (1879–1939) — писатель, церковный публицист. Здесь упоминается, вероятно, иронически — за проповедь аскетизма (см., например: *Свенцицкий Вал.* Мировое значение аскетического христианства // Русская мысль. 1908. № 5. С. 89–103 (1-я pag.), — доклад, прочитанный в заседании Религиозно-философского общества 14 февраля 1908 года). М. В. Вишняк, знавший Свенцицкого в юности, вспоминал о нем: «Излюбленными темами было изобличение любопытства, чревоугодия, стяжательства, карьеризма. Но и меньшие пороки, вроде невинного флирта или кокетства, хвастовства или честолюбия не избегали бичующего негодования и нападок нашего Савонаролы. <...> Мы — и не только мы — были свидетелями того, что Валентин не только проповедует воздержание, но и сам ведет почти аскетическую жизнь. Просто, почти бедно одетый, он строго соблюдал все посты, раздавал нищим все деньги, которые были при нем. Постоянно нуждался. Жил почти в пустой каморке, не имел своего имущества, спал на твердом, не слишком опрятном ложе, над которым возвышался деревянный крест» (*Вишняк М. В.* Дань прошлому. Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954. С. 31). Сохранились четыре письма Свенцицкого к Мережковским (1906 года и недатированное): *Amherst. Merezhkovsky's Papers*. Box 5. Folder 6. Об издательских проектах ХББ и отношении к ним Мережковских и Философова см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 161–224.

¹⁰ «Страна» — ежедневная политическая, общественная и экономическая газета, выходила в Санкт-Петербурге с 19 февраля 1906 года под редакцией М. М. Ковалевского и И. И. Иванюкова. По своему направлению газета примыкала к Партии демократических реформ. После роспуска Государственной думы (9 июля 1906 года) была приостановлена на основании положения о чрезвычайной охране. С 18 июля 1906 года вместо «Страны» выходила газета «Равенство» под редакцией профессора А. Г. Гусакова (закрыта градоначальником после 3-го номера). В августе «Страна» была восстановлена в прежнем составе редакции; окончательно остановлена 13 января 1907 года по определению Санкт-Петербургской судебной палаты (за статью «Новый рескрипт»). Отдельные выпуски «Страны» периодически конфисковались, редакторы подвергались судебному преследованию. А. В. Карташев был членом редакции газеты, вел церковный отдел, в котором постоянно печатал статьи по вопросам церковной политики.

¹¹ «Наша жизнь» — ежедневная политическая газета, близкая левому крылу кадетов; выходила в Петербурге с 6 (19) ноября 1905 по 11 (24) июля 1906 года, с перерывами; издатель — Л. В. Ходский, редактор (с января 1906 года) — В. В. Водовозов; по своей ориентации газета была внепартийна, нацелена на консолидацию всех оппозиционных общественных сил и отстаивание парламентарного строя. Философов сотрудничал в «Нашей жизни» с 1905 года.

¹² В октябрьской книжке журнала «Золотое руно» Философов напечатал резкую критическую статью «Мистический анархизм: декадентство, общественность и мистический анархизм», в которой дискредитировал теорию Г. Чулкова, изложенную в его книге «О мистическом анархизме» (СПб., 1906, со вступительной статьей Вяч. Иванова) (см.: *Золотое руно*. 1906. № 10. С. 58–65).

¹³ В 1906–1908 годах Мережковские и Философов жили в Париже по адресу: 15 bis rue Théophile Gautier Paris XVI.

¹⁴ меблированные комнаты (*фр.*)

¹⁵ Сборник «Le Tsar et la Révolution» (1907), см. вступ. статью и прим. 13 к ней.

¹⁶ Именными указами от 8 марта и 26 апреля 1906 года функции цензуры были возложены на Комитет по делам печати, что фактически упраздняло дарованную Манифестом 17 октября свободу печати. Для контроля над достоверностью сведений, поступающих в прессу, было создано Осведомительное бюро; иностранная печать передана в ведомство Главного управления цензуры. Подробнее см.: *Патрушева Н. Г.* Цензурное ведомство в государственной системе Российской империи во второй половине XIX — начале XX века. СПб., 2013. С. 330–350.

¹⁷ В письме к Философову от 26 июля 1906 года Бердяев сообщал: «Написал уже три главы своей книги: первая глава — „мистика и религия“ (общее введение), вторая глава — „великий инквизитор“ и третья глава — „государство“. Теперь пишу четвертую главу — „социал-демократия“. Считаете ли Вы подходящей для сборника главу „мистика и религия“? Или лучше что-нибудь другое? Вообще не знаю, в каком положении идея сборника. Напишите мне об этом» (Письма Николая Бердяева. С. 303). Статья Бердяева «Мистика и религия» (впервые: *Бердяев Н.* Новое религиозное сознание и общественность. С. IX–L) предназначалась для второй части сборника «Царь и революция» — «Анархия и теократия», по плану на сентябрь 1906 года обе книги должны были выйти под общим заглавием «Меч» (*Соболев А. Л.* Мережковские в Париже (1906–1908). С. 349).

¹⁸ Статьи Философова о европейском синдикализме в 1906–1907 годах периодически печатались в газетах «Страна» и «Товарищ». См., например: А. <Д.> В. Ф-в. Иностранная жизнь. Париж (от нашего корреспондента). О государственных выборах во Франции, назначенных на 6 мая. О рабочем синдикализме // Страна. 1906. 31 марта (13 апр.). № 35. С. 2–3; 1 (14) апр. № 36. С. 3; Д. В. Ф-в. Светила синдикализма // Товарищ. 1907. 26 апр. (9 мая). № 251. С. 2, и т. п.

¹⁹ В сборнике «Царь и революция» была напечатана статья Философова «Царь-папа»: *Philosophoff Dm.* Le Tsar Pape // Le Tsar et la Révolution. P. 17–85.

²⁰ В январе 1900 года Философов был зачислен в Императорскую Публичную библиотеку на должность младшего помощника библиотекаря, вплоть до увольнения в декабре 1905 года он заведовал юридическим отделением (администрация библиотеки была недовольна общественной позицией Философова и вынудила его уйти). См.: *Грин Ц. И.* Философов Д. В. // Сотрудники Российской Национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь: В 4 т. / Ред. Ц. И. Грин, Л. А. Шилов и др. СПб., 1995. Т. 1. Императорская Публичная библиотека, 1795–1917. С. 541–545.

²¹ Мысль об обмелении христианства А. И. Герцен высказывает в книге «С того берега» (впервые: London, 1850). См. «Эпилог»: «Меня просто ужасает современный человек. Какая бесчувственность и ограниченность, какое отсутствие страсти, негодования, какая слабость мысли, как скоро стынет в нем порыв, как рано изношено в нем увлечение, энергия, вера в собственное дело! <...> Одно утешение и остается: весьма вероятно, что будущие поколения вырождаются еще больше, еще больше обмелеют, обнищают умом и сердцем; им уже и наши дела будут недоступны и наши мысли будут непонятны» (*Герцен А. И.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 6. С того берега. Статьи. Долг прежде всего (1847–1951). С. 108–109).

²² Речь идет о статье «Грядущий Хам», в которой, отталкиваясь от Герцена и апеллируя к его историческому прогнозу («С того берега»), Мережковский пишет об опасности мещанского перерождения социального большинства; впервые: Полярная звезда. 1905. № 1 (под названием «Мещанство и русская интеллигенция»), № 3; отдельное издание с посвящением Д. В. Философову (СПб.: М. В. Пирожков, 1906). Ср.: «„Христианство обмелело“, — утверждает Герцен. Если обмелело, значит, когда-то было глубоким. <...> Вместе с христианством, — добавляет Герцен, — „обмелела и революция“» и т. д. (*Мережковский Д. С.* Грядущий Хам. СПб., 1906. С. 5).

²³ См. вступ. статью, прим. 32.

²⁴ Письмо З. Гиппиус к Бердяеву неизвестно, возможно, оно утрачено. Летом 1906 года Бердяев вместе с женой выезжал в Люботин (Харьковская губерния), в имение Бобаки, принадлежавшее его теще Ирине Васильевне Трушовой.

2

Н. А. Бердяев — Д. В. Filosoфoвy

Петербург. 14 Апреля <1907 года>

Дорогой Дмитрий Владимирович! Все думаю о Вашем большом письме.¹ Оно произвело на меня сильное впечатление, Вы попали в самое центральное и самое болезненное место. С очень многим из того, что Вы пишете, я вполне согласен, но кое против чего протестую. Практически из Вашего письма нужно сделать вывод, что я должен перестать писать, что я не имею права писать. Я очень хорошо понимаю, что религиозная соборность, теократия есть чудо, тайна таинства, есть отмена порядка природы. В своей книге² я очень много говорю об этом. Анархизм есть лишь вырванная глава, мало понятная без всего предыдущего и последующего.³ Вы спрашиваете, можно ли критиковать народовластие, не постигнув на опыте в таинстве всей полноты правды, не приведет ли это к вредному скепсису, Вас беспокоит, не слишком ли о многом говорим вслух, смущаем «умы» и т. д. Вот этого Вашего настроения я не понимаю и не разделяю, так как совершенно не могу смотреть на истину и на ее провозглашение с утилитарно-общественной и утилитарно-религиозной точки зрения. Всякая истина сама по себе хороша, а не по своим последствиям для людей и для мира; всякое обличение лжи само по себе есть не только право, но и обязанность, хотя бы от этого обличения все умы смутились и земля распалась бы на составные части. В этом отношении я неизменно останусь фанатиком «идеализма», абсолютная истина, правда для меня выше всего, выше того мира, с которым Вы предлагаете обращаться с осторожностью. Я никогда не сомневаюсь в своем абсолютном праве и даже абсолютной своей обязанности смущать «умы» громким заявлением о том, что считаю истинною, а что ложью. В этом отношении мне чужда всякая рефлексия, я психологически не понимаю муки ответственности за свои слова перед людьми и миром, так внутренне интересуюсь только ответственностью перед истинною и правдою, согласием своим с ними, прислушиваясь, от Бога ли мои слова или нет. Я не занимал выгодного положения свободного мыслителя, я таков по природе, все, что я пишу, есть философская лирика, хотя, может быть, недостаточно хорошо написанная. Я пишу всегда непосредственно, бессознательно, без всяких исправлений, ни к кому не обращаясь, ни для чего не предназначенная. Когда я пишу, я не знаю сомнений, я ни о чем не думаю, просто у меня внутренняя необходимость излить на бумаге то, что накопилось. Это прозвучит для Вас дико, но я могу сказать, что мне чужды все человеческие мучения, связанные с процессом писания: просто пишу себе, как птица поет, хотя и не поэт, не задумываюсь и над тем, как фразу составить, не задумываюсь и над тем, что вытекает и для кого вытекает из написанных мною мыслей. Вообще могу сказать, что «мышление», «литература» всегда для меня были «бытием», «жизнью», столь же «бытием», столь же «жизнью», как, напр<имер>, еда или половой акт, в такой же мере непосредственной, кровною, почти физиологической жизнью, функцией бытия. Я хорошо понимаю логически, но плохо психологически проблему дуализма «бытия» и «мышления», «жизни» и «литературы», не ощущаю противоположности. Может быть, это у меня дефект. Есть старинное деление человека на духовного, душевного и плотского, очень остроумное деление. Мне кажется, что во мне слабо развит «душевный» человек, почти не имею «души», и сильно развит человек духовный и плотский.⁴ Поэтому я плохо понимаю многие «душевные мучения», это непонимание в жизни было для <меня> даже своеобразным «мучением», особенно в столкновениях с женщинами, которым никогда не мог простить, что они «мучатся», в то время как я не «мучусь», и этим меня «мучат». Я в жизни очень страдал, даже пострадал от того, что люди, с которыми меня близко сталкивала судьба, всегда страдали больше меня, рассматривали свою муку, как преимущество, и меня хотели принудить к мучению. И я страдал от неспособности страдать, презирая в глубине своего существа всякое страдание, не веря в благородство страдания. От этого я плохо ощущаю пресловутую проблему аскетизма, слишком я для этого растительный человек, слишком физиологична высшая точка моего духа. Пись-

мо Ваше представляется мне глубоким и важным и дорогим для меня, но меня угнетает Ваша непрерывная рефлексия. По ремеслу своему я занят философским рефлексированием, и для так называемой «тоски» у меня уже не хватает саморефлексии, живу более зоологично. Угнетает меня еще то, что религия, которая у Вас ведь есть, дает Вам более мук, чем радостей. Религиозная жизнь, когда не далеко еще в ней зашел, неизбежно заключает в себе новую муку и трагедию, но ведь она же дает ощущение, непосредственное жизненное ощущение, что Бозя (нарочно по-детски выговариваю) близко, что с Ним не страшно, что *божественное* объективно сильно в мире. Вы как будто бы недостаточно верите в мощь *благодати* и вместе с тем занимаетесь вымогательством благодати. Ваше болезненное чувство ответственности зависит отчасти от того, что Вы считаете себя и нас всех, людей нового религиозного сознания, спасителями мира, в то время как мы не спасители, а спасающиеся, Христос — Спаситель, а не мы. Теократия мистически женственна, а не мужественна, хотя и призвана вести рыцарскую войну с миром во имя Христа. Во всяком случае, теократия не допускает раздвоения человеческой воли и в ней не самоутверждающаяся воля человеческая решает судьбу мира. Хотел бы я выразить одно свое ощущение, очень важное и с трудом выражимое. Думается мне, что люди нашей эпохи мучаются и бьются над проблемами Бога-Отца, Бога-Сына, Бога-Духа Св<ятого> и их взаимоотношениями, но до ужаса потеряли какое-то ощущение Бога Единого, Того первичного Божества, Которое не есть Бог-Отец, Которое глубже, первичнее диалектики Троичности. Об этом *Gottheit*⁵ говорит с гениальной, божественной проникновенностью величайший из монахов Мейстер Эккерт.⁶ Тут решается проблема зла, неразрешимая в плоскости христианства. Тут у меня еретическая идея образуется, связанная с гностиками, которыми в последнее время занимаюсь: в Троичности не раскрывается последняя тайна бытия, хотя мировая трагедия разрешается путем Троичности. Окончательно выяснилась моя метафизическая противоположность с Булгаковым: у него пустыnnики и Исаак Сирий,⁷ у меня — гностики и Мейстер Эккерт, для него к Богу можно приблизиться только мукой, подвигом святости, для меня к Богу можно приблизиться гностическим даром, радостью благодати, которая дается не только за святые добродетели. А всего более нужно помнить, что теократия, новое христианство, религиозная соборность не есть казарма, не достижима муштровкой, что Бог дает разные дары и указывает разные *индивидуальные* пути. Одно меня пугает: новое религиозное сознание обещает вместить весь космос, отвергнутый старым церковным сознанием, всю культуру, всю общественность, а на деле оказывается, что новому религиозному сознанию совсем, как и старому, философия не нужна, поэзия не нужна, политика не нужна, литература для этого сознания на подозрении, писать лучше перестать, мышление не ценится, половая любовь отбрасывается и учреждается новый монастырь. Чем же новое сознание лучше старого, вольнее ли будет дышаться в новой церкви? Совсем выходит, как у социал-демократов, которые отрицают всю «буржуазную» культуру, «буржуазных» философов, «буржуазных» поэтов и утверждают несуществующую «пролетарскую» культуру, «пролетарских» философов и поэтов, которых никто не видел и не слышал.⁸ Получается некоторое небытие. Само деление мира на «буржуазию» и «пролетариев» представляется мне нечестивым, тут возмутительное неуважение к предкам, отсутствие святого консерватизма, и это отсутствие всегда карается нигилистическими результатами. То же и у нас. Мне нужно, чтобы религиозно были освящ<ены> старая философия, первая любовь и пр., чтобы Гегель, Гете и т. п. вошли в наш круг. Мышление, идеи, литература всегда были силою в мировом процессе, физикой мировой жизни, все это входило в «плоть мира», никогда не было так оторвано от бытия. Социал-демократия объявила, что все не нужно, что все это «небытие», «надстройка», иллюзорное отражение. Вы хотите то же самое сделать во имя нового религиозного сознания. Я никогда не приму религии, которая объявит небытием «феноменологию духа» Гегеля,⁹ так как религиозно верю в *реальность* этой книги в Божественном слове, занесенном на бумагу. Когда мне говорят, что писание книги, в которой высказываешь заветные мысли, не есть действие, я перестаю понимать, что называют действием. Я не знаю, почему в большей степени есть действие — слушать молебен, воевать,

разговаривать в комнате, произносить проповедь, молиться и т. д. Я хорошо знаю, что писать книгу, философствовать и т. п. не есть *чудо* и таинство в религиозном смысле этого слова, но нельзя же действие отождествлять с чудом и таинством. Дорогой Дмитрий Владимирович, верьте мне: я хочу, мучительно жажду чуда и таинства, всю жизнь, быть может, жаждал, но я не верю в механическое вымогательство чуда у Господа. Каждый день я говорю и Лидии Юдифовне, самому близкому мне человеку, о чуде и таинстве, и она знает мою муку, о которой не люблю говорить. В таинстве я почти физически нуждаюсь, и возможно даже, что я начну приобщение к таинствам в церкви, так как для меня невольная тут все же искусственность и произвольность. У меня нет веры в то, что для меня Господь отменит порядок природы, у меня нет этого чувства избранничества, хотя есть иное чувство избранничества. Я хочу войти в Церковь, но не могу создать Церкви, хочу спасения в Церкви, но не спасти Церковь. Меня соблазняет религиозность простой деревенской бабы, ее смиренность, радость, <физическая?> ее близость к Богу. Эта религиозность <соединима?> с гордостью философа и мирского рыцаря. Хотел бы я еще сказать о вашем соединении, соединении вас трех, в котором Вы видите как бы начало религиозного делания. Я искренно, непосредственно люблю не только каждого из вас, но и ваше соединение, меня трогает и волнует ваш союз Богоискания. Но ваша троичность в моих глазах имеет огромную *личную* ценность, не вселенскую, она религиозно освящена, но не религиозна в смысле церковном, теократическом, в смысле новой общественности. Я никогда еще не говорил с Вами об этом и хотел бы, чтобы Вы меня поняли. В вас много индивидуализма, биографического, ни для кого другого не пригодного. Всякий новый человек, который вошел бы в ваш союз, внес бы что-то совсем иное, быть может, даже отрицательное, как бы он ни был близок вам. Меня страшит, когда Вы говорите, что гибель <деревца?> привела бы Вас к тому, что все Ваши идеи ничего не стоят. Разве прочность и ценность бытия Божественного зависит от переменчивости человеческого бытия? Мне представляется опасной утопией (для всех опасною) ваша мечта зачать религиозную общественность, теократию, новую церковь из интимного, индивидуального, биографически своеобразного и эзотерического соединения. Тут есть <прзб.> смешение личного с вселенским, индивидуального пути с всечеловеческим. Святое для вас остается в моих глазах незбылемым, но из этого никогда не начнется *народного* религиозного движения. Для такого движения должны всколыхнуться сверхиндивидуальные, *исторические* силы, мировая плоть должна сдвинуться. В каждом человеке есть тайна, есть эзотерическое в интимной религиозной жизни, но я решительный и непримиримый враг эзотеризма и оккультности во вселенском религиозном движении. Такой эзотеризм есть ложь, почва для мистификации и шарлатанства, которыми достаточно пропитана история мистики, сект и тайных обществ. Я даже сделался врагом всякой «тактики», нужно всегда и везде громко и ясно проповедовать ничем не прикрытую правду, откровенную истину. Даже относительно меня вы держитесь странной тактики: вы говорите, чтоб я соединился с вами, что тогда я что-то узнаю, что тогда начнется для меня религиозное действие, но почему же вы не показываете мне того, что знаете, не открываете мне прямо истину, получается, как бы посвящение в тайн <ую> сект <у>, в орден масонов. У Бога есть тайна, к которой люди приобщаются в религиозной жизни в таинствах, но у людей такой тайны быть не может. Всякая простая баба также достаточно приближена к Богу, как и первая из первых. Наконец, покровов таинственности на религиозной почве у людей не может быть. Простите, милые, что я все как будто нападаю на Вас, но я думаю, что при наших отношениях лучше, что мы ищем одного, идем к одному. Что мы наиболее близки, это вы знаете. Вас увидеть я стремлюсь страстно, но не знаю, когда это будет. Мои дела так плохи, что осталось только поскорее <выбраться?> в деревню¹⁰ и остаться там как можно дольше. С Булгаковым вижусь часто. Он все больше и больше склоняется к аскетическому православию, в политике очень резко поправел. Я тоже в известном смысле поправел, не верю в революцию и не хочу ее, т. к. считаю ее нигилистическою по существу, но Булгаков меня пугает. Он отказывается от идеи христианского обновления и предпочитает быть просто, как говорит, черносотенным кадетом (крайне правым этой партии),¹¹ и он хотел бы

сделаться пустынножителем. Было одно религ<иозно>-филос<офское> собрание, Карташев читал доклад Розанова (слабый доклад).¹² Прения были <отвлеченные?>, все заинтересовались, но не знают, как пойдет дальше. Как было бы хорошо, если бы вы приехали к след<ующей> зиме в Петербург. Мне одному очень тяжело, хотя я и отстаиваю свое право быть одиноким мыслителем. <нрзб. 2 слова> и люблю. Пишите. Привет Л<идии> Ю<дифовны>.

Ваш Ник. Бердяев

¹ Письмо не выявлено.

² Речь идет о книге Н. А. Бердяева «Новое религиозное сознание и общественность». В Предисловии, датированном 15 апреля 1907 года, Бердяев писал: «Выпуская в свет эту книгу, не могу не вспомнить, как много дало мне общение с Д. С. Мережковским, З. Н. Гиппиус, Д. В. Философовым и А. В. Карташевым» (*Бердяев Н. Новое религиозное сознание и общественность*. С. VII).

³ Проблеме анархизма в книге Бердяева посвящена самостоятельная глава «Анархизм», см.: Там же. С. 130–155.

⁴ Аналогичные мысли Бердяев высказывает в книге «Самопознание», см.: *Бердяев Н. Самопознание* (Опыт философской автобиографии). М., 1991. С. 37.

⁵ Gottheit (нем.) — Божество

⁶ Иоганн Экхарт (Johannes Eckhart; 1260–1328), Мейстер Экхарт — средневековый теолог, философ-мистик, оказал влияние на развитие немецкой христианской мистики, предвосхитил идеалистическую диалектику Гегеля. Основная идея Мейстера Экхарта — наличие, помимо троичного Бога, Gottheit — безличного, бескачественного абсолюта. Богопознание возможно для человека, поскольку в его душе есть нетварная «искра», единосущная Богу; отрешаясь от тварного Я и погружаясь в Божественное Ничто, душа человека включается в процесс вечного обновления Божественной Сущности.

⁷ Исаак Сирин — один из Отцов Церкви, христианский писатель-аскет, епископ Ниневии; жил в Ассирии и Сирии в VII веке.

⁸ Вероятно, Бердяев полемизирует с А. В. Луначарским, который в публичных лекциях и статьях противопоставлял буржуазной культуре (не эстетической) грядущую пролетарскую культуру, провозвестником которой считал М. Горького, см., например, статьи: *Луначарский А. В.* 1) Пролетарская этика // *Вестник жизни*. 1906. № 6. С. 14–23; 2) Задачи социал-демократического художественного творчества // Там же. 1907. № 1. С. 125–139, и др.

⁹ «Феноменология духа» (нем. Phänomenologie des Geistes) — первая крупная работа Гегеля, в которой он развернул систему абсолютного идеализма; впервые опубликована в 1807 году под названием «Система наук. Первая часть. Феноменология духа».

¹⁰ То есть в Люботин, см. прим. 24 к п. 1.

¹¹ С. Н. Булгаков участвовал в выборах в I Государственную думу (1906) от Орловской губернии как беспартийный «христианский социалист» (не прошел); во II Государственную думу был избран от партии кадетов. Он принимал деятельное участие в разработке кадетского церковного проекта; его думская деятельность регулярно освещалась еженедельником «Век» (статьи в «Веке» он подписывал *Член Государственной Думы, профессор С. Булгаков*). См. также статьи: *Булгаков С. Н.* 1) Церковный вопрос в Государственной Думе // *Век*. 1907. 11 марта. № 10; 2) Комиссия по церковным вопросам при Государственной Думе (Письмо в редакцию) // Там же. 18 марта. № 11; 3) Прения о военно-полевых судах // Там же. 25 марта. № 12. О произошедшем в 1906–1908 годах «поправлении» Булгакова (отмежевании от ХВБ и христианского революционизма, возвращении в церковь, сближении с консервативным кружком М. А. Новоселова) см.: *Колеров М. А.* Не мир, но меч. С. 255–268.

¹² Подготовительное заседание Религиозно-философского общества, еще не легализованного, состоялось в апреле 1907 года под председательством С. Н. Булгакова, слушался доклад В. В. Розанова «Отчего падает христианство», выдержанный в антиклерикальном духе (опубл. в книге Розанова «Когда начальство ушло... 1905–1906 гг.» (СПб., 1910), под заглавием «Отчего левые побеждают центр и правых»). Отчет о собрании и прениях (выступали: Бердяев, П. Б. Струве, С. А. Аскольдов (Алексеев)) см.: *Век*. 1907. 15 апр. № 15. С. 208; подробнее: *Ермичев А. А.* Религиозно-философское общество в Петербурге. 1907–1917. Хроника заседаний. СПб., 2007. С. 15–16.

(Продолжение следует)